

A detailed illustration of a war-torn city. In the background, several large Russian Orthodox churches with colorful onion domes (gold, red, blue, green) stand against a cloudy sky. The foreground shows a street filled with rubble, debris, and people in dark, heavy clothing. A large fire burns in a barrel on the right side of the street. The overall atmosphere is one of devastation and conflict.

Эдуард Малёванный

Тени Реформ

Эдуард Викторович Малёванный

Тени Реформ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72626788

SelfPub; 2025

Аннотация

Россия, 1860-е годы. Эпоха «великих реформ» обнажила язвы империи: нищета, коррупция, раскол между властью и народом. В этом котле страстей и противоречий переплелись судьбы тех, кто пытается его разжечь, и тех, кто надеется его погасить.

Эдуард Малёванный

Тени Реформ

Петербургский туман

Туман в тот день был не поэтическим, а удушающим, как грязная влажная тряпка, приложенная к лицу. Он впитывал в себя запахи города – конский навоз, дым угольных печей, сладковатый дух гниения с Невы и тревожный аромат надвигающихся перемен. Петербург 1863 года был подобен пациенту после тяжелой операции: вроде бы жив, но каждое движение отзывается болью, а под бинтами скрывается незаживающая рана.

Глеб Орлов стоял над телом и чувствовал не отвращение, а знакомую, въевшуюся в кости усталость. Помещик Серебряков лежал в грязи переулка в неестественной позе, его барский сюртук был испачкан, а на шее алел аккуратный, почти хирургический разрез. Удар был точным и смертельным.

“Разбойное нападение” – пробормотал квартальный надзиратель, поеживаясь от сырости. – Очевидное дело. Ограбили, варвары.

Глеб не удостоил его ответом. Он смотрел на руки покойного. Чистые, холеные, с аккуратными ногтями. Ни следов борьбы, ни ссадин. Карман не вывернут, часы на месте. Это была не жадность. Это было послание.

«Истина, как мороз, – она не греет, а лишь обжигает голую кожу», – промелькнуло у него в голове. Это была его собственная, давно сложившаяся мысль.

Он отвернулся от тела, и взгляд его упал на зажатую в собственной руке портсигарку. Там лежал смятый портрет женщины. Лиза. Его Лиза. Ее смерть в огне два года назад тоже была «очевидным делом» – неосторожное обращение со свечой. Слишком очевидным.

И теперь, глядя на этого мертвого барина, он видел тот же почерк. Почерк лжи, притворяющейся простотой. Почерк системы, которую он когда-то надеялся изменить, а теперь лишь обслуживал, как циничный и уставший механик.

Он глубоко затянулся, вдыхая вместе с табачным дымом ледяное предчувствие. Это дело было ловушкой. Ловушкой, поставленной его собственным прошлым. И первой жертвой в ней стал он сам – его последние призраки покоя.

Глава 1.

Усадьба «Тихое»

Усадьба «Тихое» была названа иронично. Тишину здесь нарушали крики ворон, скрип веток о стреху и гулкое эхо от пустующих покоев. С тех пор как муж Анны, Владимир Лазарев, скоропостижно скончался от горячки полгода назад, а следом грянула реформа, лишившая ее половины земли и обязавшая выкупать другую, жизнь здесь превратилась в непрерывную оборону.

Анна стояла у окна своего кабинета и смотрела, как по

грязи подъезжает незнакомый экипаж. Не казенный, но и не барский. В нем угадывалась столичная вышколенность и налет потертости. Она вздохнула, предчувствуя новые хлопоты. Ее руки, некогда привыкшие держать веер или вышивать, теперь были испачканы чернилами от счетов и грубыми мозолями.

Глеб Орлов, ступая по скрипучему паркету дома, чувствовал себя чужим. Эти усадьбы, эти гнезда разоренного дворянства, были для него музеями тщеславия и глупости. Он ждал, когда появится хозяйка – вероятно, изнеженная, плачущая о прошлом дама.

Но в дверь вошла она. Высокая, прямая, в строгом темном платье без украшений. Взгляд – не потупленный, а оценивающий. В нем читалась усталость, но не слабость.

– Анна Лазарева. Чем обязана, господин...?

– Орлов. Чиновник по особым поручениям. Расследую смерть вашего соседа, Серебрякова.

Он наблюдал за ней. Ни тени испуга, лишь легкая складка между бровей.

– Печальное происшествие. Но чем могу помочь? Мы не были близки.

– В кругах помещиков все близко, – сухо парировал Глеб. – Хотя бы общими проблемами. Выкупные платежи, бунтующие мужики, разорившиеся соседи.

Он сделал паузу, давая словам достичь цели. Она не отводила глаз.

– Вы ведете хозяйство одна? – спросил он, меняя тактику.

– После смерти мужа – да. Мир не кончается с кончиной одного человека, господин Орлов. Он лишь становится сложнее.

Она подошла к столу, жестом предложив сесть. Разговор пошел в русло формальных вопросов, но оба чувствовали подводное течение. Он искал слабинку, трещину в её словах, жестах и эмоциях. Она – скрытую угрозу в его официальной позе.

– Серебряков был жесток с своими крестьянами, – вдруг отрезала Анна, когда формальности были исчерпаны. – Вы это знаете?

– Мне известно многое. Но жестокость редко бывает мотивом для столь... профессионального убийства.

– В наше время профессиональной жестокости, господин Орлов, и убийства становятся ремеслом.

Ее слова висели в воздухе. Глеб смотрел на нее и видел не просто вдову. Он видел человека, который, как и он, научился не верить в простые объяснения.

– Ваш муж, – осторожно начал он, – Владимир Лазарев. Говорят, он был человеком строгих правил.

Лицо Анны застыло, словно покрылось тонким слоем льда.

– У каждого свои правила. И своя цена за их соблюдение. Мой муж заплатил свою.

Она встала, давая понять, что аудиенция окончена. Глеб поднялся, чувствуя, что зацепился за край какой-то большой, темной ткани.

На прощание он сказал, глядя в ее непроницаемые глаза:

– Говорят, прошлое – это чужая страна. Но я начинаю подозревать, что мы все в ней невыездные.

Она не улыбнулась, лишь кивнула.

– Удачи в расследовании, господин Орлов. Надеюсь, ваша правда принесет вам утешение.

В ее голосе он уловил ту же иронию, что жила в нем самом. Утешение. Самое бесполезное в мире чувство.

Глава 2.

Чернила и кровь.

Возвращение в Петербург было похоже на погружение в болото. Карета Глеба медленно пробиралась по забитым улицам, и он сквозь запотевшее стекло наблюдал за городом, который не любил, но который стал отражением его собственной души – грязным, шумным и безысходным. Здесь, в этих каменных стенах, творилась история, но пахло от этой истории перегаром и вонью невывезенных нечистот.

Его казенная квартира была убрана с спартанской простотой. Ничего лишнего. Ни портретов, безделушек. Только книги, бумаги да неизменный графин с водкой. Он налил себе, не садясь, выпил залпом. Жгучий холод разлился по жилам, но не принес желанного забвения, лишь прояснил со-

знание, как линза. Перед ним стояли два образа: мертвый Серебряков и живая Анна Лазарева. Оба – головоломки.

Он достал из сейфа дело о смерти Лизаветы. Тонкая папка, несколько протоколов, заключение врача. «Случайное возгорание». Слишком аккуратно. Слишком удобно. Он всегда это знал, но не было сил, не было повода ворошить пепел. Теперь повод был. Почерк.

Серебрякова убили не крестьяне. Убийца был образован, силен и знал анатомию. Как и поджигатель, устроивший пожар в их доме два года назад. Тот тоже действовал не как вор – ничего не пропало. Только смерть.

Утром он отправился в канцелярию. Пыльные своды, бесконечное перекладывание бумаг. Он вызвал к себе мелкого чиновника, отвечавшего за переписку по делам помещичьих волнений в губернии, где находилось «Тихое».

– Лазарев, Владимир Петрович, – потребовал Глеб. – Все, что есть.

Чиновник, испуганный и заискивающий, принес кипу документов. Глеб уткнулся в чтение. Лазарев представал человеком жестким, даже жестоким. Подавление бунтов, телесные наказания, судебные иски к крестьянам. Но среди сухих отчетов мелькнуло одно имя, вписанное на полях другим почерком. Имя свидетеля, подтвердившего «буйный нрав» одного из зачинщиков. Яков Бертольд.

У Глеба заныла старая рана. Яша. Его университетский

друг, с которым они ночи напролет спорили о будущем Российской Империи, о свободе, о долге интеллигенции. Затем пути разошлись. Яков ушел в радикалы, Глеб – в систему. Их последний разговор был яростным и горьким.

«Ты хочешь лечить прокаженного, выписывая ему рецепты, Глеб? – кричал тогда Яков. – Его нужно прижечь калёным железом! Выжечь всю гниль!»

«Твое железо сожжет и здоровую плоть, Яша. Ты станешь тем, с кем борешься».

«Цена прогресса! История пишется кровью!»

«Но не чернилами, как ты думаешь. И уж точно не чужими».

Глеб откинулся на спинку стула. Яков. Он был здесь. Он был рядом с Лазаревым. И Лазарев мертв. И его жена... Анна. Что она знала?

Он снова увидел ее перед собой – ее спокойный, тяжелый взгляд. «Мой муж заплатил свою цену». Она знала. Она точно что-то знала.

Вечером он поехал в тот самый трактир, где они часто собирались с Яковым в былые времена. Ничего не изменилось – тот же липкий от грязи пол, тот же запах дешевой еды и дешевого табака. Он сел в углу и заказал водки. Он не надеялся ни на что, это был жест отчаяния, вызов судьбе.

И судьба ответила.

Не прошло и часа, как к его столику подошел тощий молодой человек в поношенном сюртуке.

– Господин Орлов? – тихо спросил он.

Глеб кивнул, сжимая руку на рукояти спрятанного в кармане пистолета.

– Вам письмо.

Юноша сунул ему в руку смятый конверт и растворился в толпе. Глеб разорвал его. Всего одна строчка, выведенная знакомым, размашистым почерком.

«Старые друзья не забывают друг друга. Особенно когда хоронят общих знакомых. У Серебрякова была плохая привычка – читать чужие письма. Спроси свою вдову о дневнике ее мужа. Если найдешь его раньше них, возможно, спасет еще одну жизнь. Я.»

Глеб медленно, с наслаждением, разорвал письмо на мелкие кусочки. Внутри все закипело. Яков играл с ним. Водил его за нос. Но он дал нить. Дневник Лазарева.

Он вышел на улицу. Ночь была холодной и звездной. Он смотрел на бесконечно далекие, равнодушные звезды и думал об Анне. О ее глазах. О той стене, которую она возвела между собой и миром. Стену, за которой скрывалась правда. Правда о ее муже. О Якове. О Лизавете.

«Мы воюем с призраками, – подумал он, – но раны от их ударов самые настоящие».

Он понял, что завтра ему снова придется ехать в «Тихое». И на этот раз разговор будет совсем другим.

Глава 3.

Дневник грехов.

Дорога в «Тихое» на этот раз казалась Глебу не просто путем, а возвращением в логово спящего зверя. Он снова видел перед собой лицо Анны – не холодное и закрытое, как в первый раз, а живое, отмеченное усталой мыслью. Теперь он ехал не к формальной вдове, а к соучастнице некоей тайны, возможно – к сообщнице, возможно – к следующей жертве. Обрывки разорванного письма Якова жгли карман его сюртука, как раскаленный уголь.

Он прибыл под вечер. Небо затянули свинцовые тучи, предвещавшие дождь. Усадьба казалась еще более мрачной и заброшенной. Ему открыла та же немолодая, суровая горничная, проводила в кабинет и удалилась, бросив на него взгляд, полный немого укора.

Анна вошла через несколько минут. Она была бледнее, чем в прошлый раз, под глазами легли темные тени.

– Господин Орлов, – произнесла она без всяких предисловий. – Я надеялась, наши дела закончены.

– Ни одно дело не заканчивается, пока живут те, кого оно касается, – парировал Глеб, оставаясь стоять у камина, в котором тлело всего несколько полешек. – Или пока не умрут все свидетели.

Он выдержал паузу, давая ей понять, что это не просто

фигура речи.

–Полагаю, вы приехали не для обмена афоризмами.

–Полагаете верно. Я приехал за дневником вашего мужа.

Это был выстрел в упор. Глеб видел, как дрогнули ее пальцы, сжимавшие складки платья. Но голос её остался ровным.

–У моего мужа не было привычки вести дневник. Он был человеком дела, а не слов.

–Люди, совершающие темные дела, чаще других стремятся их увековечить. Слово – это оправдание, которое они оставляют самим себе. Где дневник, Анна Петровна?

Она отвернулась к окну, смотря на накрапывающий дождь.

–Вы очень уверены в его существовании.

–Я уверен в том, что ваш муж был жестоким человеком, подавлявшим бунты с особой тщательностью. И я уверен, что у жестокости есть свидетели. Даже если это только бумага.

Он подошел ближе, снизив голос.

–Мне сказали, что этот дневник может спасти жизнь. Вашу жизнь.

Анна резко обернулась. В ее глазах вспыхнул огонь – не страха, а гнева.

–Кто вам это сказал? Тот, кто убил Серебрякова? Вы работаете на убийцу, господин Орлов?

–Я работаю на истину. А она, как правило, находится в сговоре с чьей-то смертью. Дневник.

Они стояли друг напротив друга, разделенные всего парой шагов. Два острова в бушующем море лжи и прошлого. Наконец, Анна, сраженная его натиском или собственным страхом, сломалась. Она молча подошла к книжному шкафу, сдвинула несколько потрепанных томов по агрономии и нажала на незаметную глазу пружину. С тихим щелчком одна из панелей отъехала в сторону, открывая потайной ящик.

– Он не хотел, чтобы я это нашла, – тихо сказала она, вынимая толстый кожаный фолиант. – Я обнаружила это случайно, уже после его смерти. Прочла... и пожалела.

Глеб взял дневник. Кожа была холодной и шершавой.

– Почему не сожгла?

– Потому что это единственная правда о нем, что у меня осталась. Ужасная правда. Но моя. Сжечь её – все равно что окончательно убить его. А я уже и так чувствую себя палачом.

Он открыл первую страницу. Узкий, убористый почерк. Даты, цифры, отчеты о хозяйстве. Но чем дальше, тем больше страницы наполнялись другим.

«...Бунт в деревне Высокое усмирен. Сидорова выпороли до смерти. Необходимая мера. Жестокость – единственный язык, который понимает этот скот...»

«...Бертольд снова здесь. Глаза горят, как у фанатика. Говорит о народном гневе как о стихии. Он опасен, но его методы... эффективны. Иногда грязь можно смыть только кровью...»

Глеб листал страницу за страницей, и перед ним возник портрет не просто жестокого помещика, а человека, заключившего сделку с дьяволом. Лазарев использовал Якова и его радикалов для устрашения особенно строптивых соседей и крестьян. Он предоставлял информацию, а те совершали «возмездие». Серебряков был одним из таких соседей. Он что-то узнал, начал рыть носом землю.

И тогда Глеб нашел запись, от которой кровь застыла в жилах. Датирована она была за месяц до смерти Лизаветы.

«...Бертольд требует новых действий. Говорит, что пора переходить от помещиков к их покровителям в городе. Упомянул чиновника Орлова. Говорит, тот слишком много знает и мешает. Я против. Это уже не борьба, а террор. Но Яков неумолим. Его идея – не убивать, а устрашать. Поджечь дом, уничтожить бумаги...»

Глеб закрыл дневник. Руки его дрожали. Он поднял глаза на Анну. Она смотрела на него, и в ее взгляде он прочел знание. Она знала. Все это время знала, что его жена погибла не случайно. Что её муж был если не прямым заказчиком, то соучастником.

– Вы знали, – его голос прозвучал хрипло и чуждо. – Вы знали о Лизавете.

– Я узнала, прочитав это, – она кивнула на дневник. – Уже после того, как вы впервые переступили этот порог. И не зна-

ла, как вам сказать. Сказать, что мой муж... косвенно виновен в смерти вашей жены.

В комнате повисла тяжелая, невыносимая тишина, нарушаемая лишь треском огня в камине.

– Почему? – выдавил он. – Почему он был с ними? Зачем?

– Вы не понимаете? – в ее голосе прозвучала горькая ирония. – Страх. Он боялся нового мира, который наступал. Боялся потерять все это, – она обвела рукой кабинет. – И решил, что может договориться с бурей, став ее частью. Он думал, что может контролировать демонов, которых выпустил на волю.

Глеб снова посмотрел на дневник. Это была не просто книга. Это была исповедь труса, ставшего монстром. И признание его жены, ставшей заложницей его греха.

– Яков использует вас, – тихо сказала Анна. – Он дал вам наводку, чтобы вы нашли это. Чтобы вы узнали правду о Лизавете и... и отошли от дела. Или чтобы вы возненавидели меня.

– Он играет в шахматы, где все мы – пешки, – мрачно согласился Глеб. – Но он забыл, что у пешек есть своя воля. И они могут объединиться против короля.

Он отложил дневник в сторону.

– Он хочет, чтобы я ушел. Значит, я на правильном пути. И этот путь теперь лежит через вас, Анна Петровна. Через вашу память, ваши знания. Вы боитесь бури, которую накликал ваш муж? Или готовы помочь мне её остановить?

Дождь забарабанил по стеклам сильнее. Анна стояла, прижав руку к груди, словно пытаясь унять сердцебиение. Она была в ловушке – между долгом перед памятью мужа, страхом перед Яковым и странным, рождающимся доверием к этому циничному и разбитому человеку перед ней.

– Я не знаю, что я могу, – честно сказала она.

– Начните с правды. Всей правды. Не той, что в дневнике. А той, что здесь, – он указал на ее сердце. – Кто такие «они», о которых пишет ваш муж? Где их искать?

И в ту ночь, в темном кабинете, освещенном лишь огнем камина, Анна Лазарева начала свою исповедь. Она говорила о тайных встречах, о странных людях, приходивших к мужу по ночам, о страхе, который стал ее постоянным спутником. А Глеб слушал, и впервые за долгие годы его собственная боль отступила перед необходимостью действия. Они больше не были следователем и свидетельницей. Они стали сообщниками по несчастью, заложниками одной и той же трагедии.

И за стенами усадьбы, в мокрой от дождя темноте, человек в поношенном сюртуке наблюдал за освещенным окном. Он видел две тени за стеклом и улыбнулся. Все шло по плану. Его плану.

Глава 4.

Урок анатомии.

Неделю спустя Глеб и Анна стояли на пороге заброшен-

ной хирургической академии на окраине Петербурга. Здание, некогда бывшее гордостью медицинской науки, теперь представляло собой мрачные руины с выбитыми окнами, в которых, словно в пустых глазницах, плелась паутина. Ветер гулял по длинным коридорам, разнося запах плесени и чего-то еще – сладковатого, химического, напоминающего о формалине и смерти.

Именно сюда, по информации, извлеченной из дневника Лазарева и уточненной Анной, указывали нити. Здесь, по слухам, собирался кружок «практиков» – молодых людей, отвергавших официальную науку и ставивших эксперименты над «материалом», добытым с полей классово́й борьбы.

Анна молча следовала за Глебом, кутаясь в темный плащ. Ее лицо было бледным, но решительным. С того вечера, когда она передала ему дневник, между ними установилось странное, молчаливое соглашение. Они почти не говорили о личном, только о деле. Но в этом совместном молчании было больше доверия, чем в тысяче клятв.

– Вы уверены, что хотите войти? – Глеб остановился у массивной дубовой двери, одна половина которой висела на петлях. – То, что мы можем увидеть внутри, не предназначено для дамских глаз.

– Я перестала быть «дамой» в тот день, когда хоронила мужа и узнала, кем он был на самом деле, – отрезала Анна. “Страх” это роскошь, которую я не могу себе позволить.

Он кивнул, понимая, что спорить бесполезно, и толкнул

дверь. Она с скрипом поддавалась, открыв длинный, тонуший во мраке коридор. Они шли, прислушиваясь к каждому шороху, их шаги отдавались гулким эхом. Глеб держал наготове револьвер.

В конце коридора виднелась полоска света, пробивающаяся из-под двери. Доносились приглушенные голоса. Глеб приложил палец к губам и медленно, бесшумно приоткрыл дверь.

То, что они увидели, заставило Анну непроизвольно вскрикнуть, но она тут же зажала себе рот рукой. Комната, очевидно, бывший анатомический театр, была освещена несколькими коптящими лампами. В центре, на грубом деревянном столе, лежало тело молодого человека в простой крестьянской одежде. Над ним склонились две фигуры в запачканных фартуках. Они не были врачами. В их движениях сквозила не профессиональная точность, а фанатичная старательность дилетантов.

Один из них, молодой человек с горящими глазами, держал в руках скальпель и что-то объяснял своему товарищу:

– Видишь, Вася, точность разреза здесь, у основания шеи, – ключ к быстрой и бесшумной ликвидации. Главное – перерезать именно эту артерию, а не горло. Криков не будет. Это не то, что с тем помещиком – там была демонстрация, акт возмездия. А это – чистая механика.

Глеб вошел в комнату, приставив револьвер к спине «лектора».

– Урок окончен, господа. Отойдите от стола.

Молодые люди вздрогнули и резко обернулись. Увидев револьвер и суровое лицо Глеба, они остолбенели.

– Кто вы? – выдохнул «лектор».

– Врач. Специалист по вскрытию гнойных нарывов на теле общества. А это моя ассистентка, – кивнул Глеб на Анну, которая, поборов отвращение, подошла ближе, ее взгляд был прикован к телу на столе.

– Вы... вы не понимаете! – залепетал второй, помоложе. – Мы изучаем! Мы боремся с системой ее же методами! Чтобы победить врага, нужно знать его анатомию!

– Анатомию вы изучаете на трупе невинного парня? – ледяным тоном спросила Анна. Ее голос дрожал от гнева, а не от страха. – Кто он?

Молодые люди переглянулись.

– Он... он был провокатором, – сказал «лектор», пытаясь выпрямиться. – Сдал двоих наших в участке.

– И кто вам дал право быть его судьей и палачом? – Глеб надавил стволом ему в спину.

– Народ! Высшая справедливость! – в голосе юноши зазвенел знакомый Глебу фанатизм. Тот самый, что был у Якова.

«Они уже не просто философы с бомбами, – с ужасом подумал Глеб. – Они создали свою анти-церковь с своими догмами, ритуалами и жертвоприношениями».

– Где Яков Бертольд? – спросил Глеб напрямую.

– Мы не знаем никакого Якова, – буркнул «лектор», но

его глаза выдали ложь.

Вдруг из темноты в дальнем конце зала послышался медленный, насмешливый хлопок. Все вздрогнули и обернулись. Из тени вышел человек. Высокий, худощавый, в поношенном, но чистом сюртуке. Это был он. Яков.

– Bravo, Глеб, – произнес он своим ровным, глубоким голосом, который, казалось, заполнил всю комнату. – Bravo и тебе, Анна Петровна. Нашли кукольный театр. Жаль, что куклы так плохо играют.

Он подошел ближе, игнорируя револьвер в руке Глеба. Его взгляд скользнул по телу на столе, и на его лице мелькнуло что-то вроде досады.

– Неумелые руки. Бездарность всегда тянется к театральности. Настоящая работа не оставляет после себя таких... зрелищ.

– Яков, – имя прозвучало у Глеба как приговор.

– В живых, старый друг. В отличие от многих, – он многозначительно посмотрел на Анну. – Вы читали дневник, я полагаю? Интересное чтиво. Исповедь грешника, который пытался оседлать ураган. Закономерный финал.

– Ты убил мою жену, – сказал Глеб, и в его голосе не было ни вопроса, ни обвинения, лишь констатация.

– Твой дом поджег не я, – парировал Яков. – Его поджег один из таких вот... энтузиастов, – он кивнул на двух моло-

дых людей, которые стояли, потупившись. – После того как получил от Лазарева информацию, что чиновник Орлов мешает нашему общему делу. Я лишь... не препятствовал. История требует жертв, Глеб. Ты это знаешь.

– Какая история? – внезапно, громко и четко спросила Анна. Все взгляды устремились на нее. – История о том, как вы, умные и образованные люди, решили, что вправе распоряжаться жизнями других? Вы хуже моего мужа. Он был трусом и пытался спасти свое имение. А вы... вы убиваете ради идеи в своей голове. Какая разница, во имя чего жечь дома и резать глотки – во имя денег или во имя «светлого будущего»? Для тех, кто горит и умирает, разницы нет.

Яков внимательно посмотрел на нее, и в его глазах вспыхнул интерес, словно ученый, обнаруживший новый вид насекомого.

– Глубокомысленно, Анна Петровна. Но ошибочно. Разница – в масштабе. Личная жадность – это гниение. Историческая необходимость – это хирургия. Чтобы спасти тело, иногда нужно ампутировать конечность.

– Тело, которое вы лечите, уже истекло кровью, – сказал Глеб. – Вы не хирург, Яков. Вы могильщик.

Яков улыбнулся, и это была страшная, безрадостная улыбка.

– Возможно. Но я могильщик старого мира. А вы что? Его похоронная команда? Вы бегаєте по полю боя, пытаетесь приставить на место оторванные головы и утешить умирающих.

Это бессмысленно.

Он сделал шаг назад, растворяясь в тени.

– Мы закончили на сегодня. Убирайтесь. И оставьте этих юных идиотов. Они – расходный материал. Как и вы, впрочем. Помни о дневнике, Глеб. Помни о Лизавете. И подумай, хочешь ли ты, чтобы твое расследование стоило жизни еще кому-то. Например, ей, – он кивнул на Анну.

Прежде чем Глеб успел что-то предпринять, Яков растворился в темном проеме двери. Двое молодых людей, воспользовавшись замешательством, ринулись в другую сторону. Глеб не стал их преследовать. Он стоял, сжимая револьвер, и смотрел в пустоту, где только что был его старый друг.

Анна подошла к столу и дрожащей рукой накрыла лицо мертвого юноши обрывком ткани.

– Он был прав в одном, – тихо сказала она. – Мы бегаем по полю боя. И с каждым днем все больше понимаем, что битва уже проиграна.

Глеб повернулся к ней. В его глазах горел не огонь ярости, а холодное, стальное упрямство.

– Битва проиграна, когда ты в это поверил. Яков верит в свою правоту. Это его сила. Но это и его слабость. Он не понимает, что некоторые вещи нельзя оправдать историей. Их нельзя оправдать ничем.

Он взял ее за локоть и повел к выходу из этого ада. За спиной у них оставался не просто труп, а символ – символ нового, рождающегося в муках и крови чудовища, у которо-

го было много голов, и отрубить одну из них не значило победить.

Идя по темному коридору, Анна спросила:

–Что будем делать теперь?

–То, чего он не ожидает, – ответил Глеб. – Мы перестанем реагировать и начнем действовать. Он считает нас похоронной командой? Хорошо. Значит, пора отложить венки и взять в руки лопаты. Мы будем рыть. Рыть под ним, под всей этой пирамидой из трупов и идей. Пока она не рухнет ему на голову.

Они вышли на холодный ночной воздух. Дождь уже кончился, и в разрывах туч проглядывала луна. Она освещала их бледные, усталые лица. Два одиноких острова в море тьмы, решивших, что их союз – это не просто случайность, а единственный шанс не утонуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.